18+

Арина Лорель

Искушение страстью

Арина Лорель
Искушение страстью

https://litres.ru/74817812
ISBN 9785007159494

Аннотация

Аннотация.

Габриэла — танцовщица фламенко из Барселоны, которая пятнадцать лет прожила в браке с мужчиной, превратившим её жизнь в клетку. После очередного унижения она сбегает в Шотландию, в маленький университетский городок, где никто не знает её имени.

Содержание

Искушение страстью 5
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Искушение страстью

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-5949-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искушение страстью

Барселона, два с половиной года до основной линии

За кулисами пахло пудрой, потом и гарденией — кто-то поставил букет в гримёрке, и этот сладкий, тяжёлый запах смешивался с запахом разгорячённых тел. Габриэла стояла перед зеркалом, поправляя красное платье. Оборки, тяжёлые от бусин, лежали на плечах. Волосы собраны в тугой узел. Брови нарисованы — густо, театрально. Она смотрела на себя и не узнавала.

Это ты, — сказала она отражению. — *Это ты.*

За дверью гудел зал. Три сотни человек. И среди них — он. Хуан. В третьем ряду, с бутылкой шампанского, с самодовольной улыбкой. Муж. Тот, кто пятнадцать лет назад клялся любить её вечно, а теперь смотрел на неё как на собственность, которая вдруг перестала быть удобной.

Ей было семнадцать. Ему — двадцать девять. Он сказал, что позаботится о ней. Она поверила — не потому, что была глупой, а потому, что была одна.

Она вышла на сцену. Свет ударил в глаза. Гитара заиграла

— низко, тягуче. Габриэла закрыла глаза. Сделала вдох.

И начала танцевать.

Она танцевала так, будто вырывала из груди собственное сердце и швыряла его в толпу. Каблуки отбивали дробь. Юбка взметалась. Руки изгибались, как крылья раненой птицы. Зал замер. Зрители не дышали. А она не видела никого — только его, сидевшего в третьем ряду.

После выступления он ждал её за кулисами. Пьяный. Злой.

— Ты танцевала для него, — сказал он, кивнув на какого-то мужчину в зале. — Я видел, как ты на него смотрела.

— Я смотрела в зал, Хуан. Это часть выступления.

— Ты меня позоришь, — прошипел он. — Все эти твои движения… это неприлично. Ты должна танцевать для меня. Только для меня.

Габриэла вытерла пот со лба. Она устала. Не от танца — от него.

— Я танцую для себя, — сказала она тихо. — И для тех,

кто понимает.

Он ударил её впервые в тот вечер. Не сильно — пощёчина, от которой зазвенело в ухе. Но этого хватило, чтобы что-то внутри неё сломалось. Она не заплакала. Просто сняла с пальца кольцо, положила ему в карман и ушла в чём была — в сценическом платье, с нарисованными бровями и разбитым сердцем.

Через неделю она была в Мадриде. Через месяц — в маленьком университетском городке на севере Шотландии, где никто не знал её имени. Она поступила на курс истории искусств, сняла крошечную студию над пабом и поклялась, что больше никогда не позволит мужчине решать за неё.

Она ошибалась.

— —

Дождь в Шотландии был другим.

Не как в Барселоне — тёплый, летний, почти нежный, который падал на плечи и высыхал раньше, чем ты успевала заметить. Этот был холодным. Настойчивым. Он барабанил по стеклу так, будто хотел пробить его насквозь, и не прекращался ни на минуту — ни когда она вышла из такси, ни

когда поднималась по скрипучей лестнице, ни когда хозяин паба, бородатый мужчина в свитере с оленями, молча протянул ей ключ.

Габриэла стояла посреди крошечной студии над пабом и смотрела, как капли стекают по окну, оставляя за собой мутные дорожки. За окном — серое небо, серые камни, серые лица прохожих, которые шли быстро, не глядя по сторонам, с поднятыми воротниками. Она вздохнула и отвернулась.

Студия была маленькой. Одна комната, совмещённая с кухней — плита, раковина, стол, — кровать под окном, старый шкаф с зеркалом, письменный стол, продавленный стул. На полу — вытертый ковёр с орнаментом, который она не смогла бы описать даже под пытками. Пахло пылью и чем-то ещё — возможно, лавандой, которую здесь когда-то держали в вазе, а потом забыли.

Она поставила чемодан на пол. Он был лёгким. Слишком лёгким для женщины, которой тридцать два года и у которой была жизнь — муж, дом, сцена, — но которая взяла с собой только самое необходимое: несколько платьев, джинсы, свитер, сценический костюм для фламенко, фотографии, книгу по истории искусства, ноутбук. И кольцо.

Кольцо она достала последним. Маленькая бархатная ко-

робочка, которую она не открывала с того вечера в Барселоне. Она села на кровать — пружины скрипнули, — положила коробочку на колени и минуту смотрела на неё, не открывая.

Зачем ты его взяла?

Она не знала ответа. Могла бы выбросить — в аэропорту, в самолёте, в такси. Могла бы оставить в квартире, которую покидала в спешке. Но взяла. Может, как напоминание. Может, как предупреждение. Может, потому что часть её всё ещё не верила, что это произошло.

Она открыла коробочку. Кольцо лежало на бархате — простое, золотое, с маленьким камнем, который когда-то казался ей целым миром. Пятнадцать лет назад Хуан надел его ей на палец и сказал: «Ты — моя навсегда». Она тогда улыбнулась. Тогда это звучало как обещание.

Теперь это звучало как приговор.

Она закрыла коробочку. Положила в ящик стола — не выбросила, не спрятала, просто положила. Потом встала, расстегнула чемодан и начала раскладывать вещи.

Платья — в шкаф. Джинсы — на полку. Свитер — на спинку стула. Книгу — на стол. Фотографии — на под-

оконник: мама в красном платье, танцующая фламенко; мама смеющаяся, с распущенными волосами; мама молодая, счастливая, ещё до болезни. Габриэла смотрела на них и чувствовала, как что-то внутри сжимается.

Она бы не одобрила.

Она бы не одобрила побег. Мама всегда говорила: «Не беги от боли. Танцуй с ней». Но мама умерла, когда Габриэле было двенадцать, и с тех пор она бежала от всего — от горя, от страха, от себя. Сначала в танец. Потом в брак. Потом в Шотландию.

Сценическое платье она повесила отдельно — на дверцу шкафа, чтобы видеть. Красное, с оборками, тяжёлое от бусин. То самое, в котором танцевала в последний вечер в Барселоне. То самое, в котором он ударил её за кулисами.

Она не стала его убирать. Пусть висит.

— —

Телефон завибрировал — сообщение от Кармен.

«Ты уже на месте?»

Габриэла посмотрела на экран и не ответила. Вместо этого она открыла ноутбук, подключилась к вайфаю — пароль был написан на салфетке, оставленной хозяином паба, — и уставилась на пустой экран. Через минуту он зазвонил. Видеозвонок. Она вздохнула и нажала «принять».

Кармен появилась на экране — женщина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами, в очках, которые постоянно сползали на нос. Она была психологом, с которым Габриэла работала последние два года. Точнее, должна была работать. После Барселоны, после Хуана, после всего.

— Ты выглядишь уставшей, — сказала Кармен вместо приветствия. — Ты спала?

— В самолете. Час.

— Это не сон. Это провал в забытье. Ты ела?

Габриэла посмотрела на пустой стол. На нём не было ничего, кроме ноутбука и телефона.

— Пока нет.

— Габриэла.

— Что? Я только приехала. Я не успела.

Кармен сняла очки и протёрла их краем футболки. Этот жест Габриэла знала наизусть — он означал, что сейчас будет что-то важное.

— Ты сбежала, — сказала Кармен тихо. — Это не то же самое, что уйти. Уйти — это когда ты знаешь, куда идёшь. Сбежать — это когда ты просто хочешь, чтобы всё закончилось. Ты сбежала.

Габриэла почувствовала, как внутри поднимается раздражение — знакомое, почти уютное.

— Я не сбежала. Я уехала. Есть разница.

— В чём?

— В том, что я не оглядываюсь.

Кармен помолчала. Потом сказала:

— Ты только что оглянулась. Ты смотришь на дверь каждые пять секунд. Я вижу это по твоим глазам.

Габриэла отвернулась. За окном всё ещё шёл дождь.

— Я в порядке.

— Это ты говорила и в прошлый раз. За день до того, как он сломал тебе руку.

— Он не ломал мне руку. Он схватил меня за запястье. Это другое.

— Это не другое. Это то же самое. Просто на этот раз ты успела уйти.

Габриэла закрыла глаза. Она не хотела плакать. Не сейчас. Не перед Кармен.

— Я не могу это обсуждать. Не сегодня.

— Хорошо, — сказала Кармен неожиданно мягко. — Тогда давай договоримся. Ты ешь. Ты спишь. Ты выходишь на улицу. И завтра в это же время мы снова созваниваемся. Не для того, чтобы обсуждать Хуана. Просто чтобы ты знала, что я на связи. Договорились?

— Договорились.

— И ещё, Габриэла.

— Да?

— Если ты снова начнёшь танцевать — не останавливайся. Даже если будет больно. Особенно если будет больно.

Габриэла кивнула. Экран погас. Она осталась сидеть на кровати, глядя на телефон. Потом встала, надела куртку и вышла на улицу.

— —

Паб внизу назывался «У старого Джона». Джон был не старым — лет пятидесяти, с густой бородой, в свитере с оленями и с руками, которые, казалось, могли поднять слона. Он стоял за стойкой, протирая стакан, когда Габриэла вошла.

— Ты, должно быть, новая жиличка, — сказал он, не поднимая глаз. — Из Испании.

— Как вы узнали?

— Акцент. И запах.

— Запах?

— Сандал. У нас тут так не пахнет. У нас пахнет рыбой и пивом.

Габриэла невольно улыбнулась. Это была первая улыбка за несколько дней.

— Я Габриэла.

— Джон. — Он протянул руку. Рукопожатие было крепким, но не грубым. — Ты есть хочешь?

— Я не…

— Ты есть хочешь, — повторил он, не слушая возражений. — Садись. У меня есть суп. Не спрашивай, из чего. Просто ешь.

Она села за стойку. Джон поставил перед ней тарелку с густым супом и ломоть хлеба. Габриэла взяла ложку и вдруг поняла, что не ела почти сутки. Суп был горячим, согревающим, с каким-то мясом и овощами. Она ела молча, а Джон протирал стаканы и смотрел куда-то в сторону.

— Dreich, да? — сказал он вдруг.

— Что?

— Погода. Dreich. Значит — пасмурно, сыро, тоскливо. Шотландское слово. — Он налил ей чай. — Привыкнешь.

— Ты танцуешь, — добавил он, не переставая протирать стакан. Это был не вопрос.

Габриэла замерла с ложкой у рта.

— Почему вы так решили?

— У тебя осанка. И руки. Так не держат руки те, кто не танцует. И ещё — ты ходишь на носках. Как будто ждёшь, что пол сейчас уйдёт из-под ног.

Она опустила ложку.

— Вы очень наблюдательный.

— Я тридцать лет работаю в пабе. Здесь все всё видят. Просто не все говорят.

Он налил ей чай — крепкий, чёрный, с молоком. Габриэла обхватила кружку ладонями.

— Спасибо.

— Не за что. — Джон помолчал. — Ты выглядишь так, будто тебя кто-то ударил. Я не спрашиваю. Но если надо — я здесь.

Габриэла посмотрела на него. В его глазах не было жалости. Только спокойное, твёрдое понимание.

— Я запомню, — сказала она.

— Запомни.

— —

Она вернулась в студию, когда стемнело. Дождь прекратился, но воздух был влажным и холодным — таким холодным, что она почувствовала его даже через свитер. Габриэла включила свет, села на пол и расстегнула чемодан. Достала сценическое платье — то самое, которое так и висело на дверце шкафа. Она держала его на коленях, гладила ткань, вспоминала, как оно развевалось, когда она кружилась. Как Хуан смотрел из третьего ряда. Как он ударил её за кулисами — не сильно, пощёчина, от которой зазвенело в ухе, но этого хватило, чтобы что-то внутри неё сломалось.

Она отложила платье. Потом встала, включила музыку на

телефоне — что-то старое, фламенко, с гитарой и кастаньетами. Она попробовала сделать первое движение — просто поднять руки. И не смогла.

Руки не поднимались. Тело не слушалось. Будто внутри что-то заклинило — не мышцы, не суставы. Что-то глубже. Что-то, что помнило.

Она попробовала снова. Руки дрогнули — и опустились.

И тогда накрыло.

Не мысль — ощущение. Рука Хуана на её запястье. Его голос: *«Ты танцуешь слишком вызывающе. Люди смотрят. Ты делаешь это специально?«* Его лицо, искажённое ревностью. Его пальцы, сжимающиеся сильнее. *«Ты моя жена. Ты должна танцевать для меня. Только для меня». *

Габриэла остановилась. Дыхание сбилось. Плечи сжались, горло перехватило. Она попыталась сделать вдох — и не смогла. Воздух не шёл. Будто кто-то сжал грудную клетку изнутри.

Она опустилась на пол. Прислонилась спиной к кровати. Попыталась вспомнить, что говорила Кармен: пять вещей, четыре звука, три ощущения… Но мысли разбегались, как

испуганные птицы. Она не могла сосчитать даже окно.

— Хватит, — сказала она вслух. — Просто дыши.

Она дышала. Медленно, с трудом. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Сердце колотилось где-то в горле. Слёзы текли по щекам — она даже не заметила, когда они начались.

Это не он. Это не сейчас. Ты в Шотландии. Ты в студии. Ты одна.

Мысль не помогала. Тело не слушало мысль. Тело помнило.

Но на этот раз она не позвонила Кармен. Она просто сидела на полу, обхватив колени, и ждала, пока волна схлынет. Это заняло двадцать минут. Может, больше. Но она дождалась.

Потом встала. Умылась. Оделась. Подошла к зеркалу в старом шкафу. Оттуда на неё смотрела женщина с покрасневшими глазами и растрёпанными волосами. Не танцовщица. Не звезда. Просто женщина, которая сбежала.

— Ты справишься, — сказала она вслух. Голос дрогнул. — Ты справишься.

Она не поверила себе. Но сказала это ещё раз. Потом ещё раз. И ещё — пока слова не стали ритмом, а ритм — дыханием.

— —

Утром она проснулась от стука в дверь. На пороге стоял Джон с корзиной.

— Тут немного еды. И ещё — расписание автобусов. И карта. Не потеряйся.

— Спасибо, — сказала Габриэла, принимая корзину.

— И ещё, — он замялся. — В университете сегодня открытая лекция. История искусства. Приезжий профессор. Говорят, интересно. Может, сходишь? Тебе полезно выйти.

Габриэла посмотрела на карту. Университет был в двадцати минутах ходьбы.

— Может быть.

— Не «может быть». Иди. — Джон повернулся и начал спускаться по лестнице. — И надень что-нибудь потеплее.

Там сквозняки.

Габриэла закрыла дверь. Посмотрела на корзину — хлеб, сыр, яблоки, банка варенья. Посмотрела на карту. Посмотрела на сценическое платье, всё ещё висевшее на дверце шкафа.

Она не знала, что её ждёт в университете. Не знала, что через час она войдёт в аудиторию и увидит мужчину, который смотрит на неё так, будто она — единственное, что имеет значение. Не знала, что этот мужчина станет её спасением. И её проклятием.

Она просто надела свитер, джинсы, взяла карту и вышла на улицу.

Дождь снова начинался. Но на этот раз Габриэла не стала прятаться. Она подняла лицо к небу и позволила каплям падать на кожу.

Я справлюсь, — подумала она. — *Я справлюсь.*

И пошла в сторону университета.

— —

Аудитория была старой.

Не «старой» в смысле обветшалой — хотя краска на потолке местами пузырилась, а деревянные скамьи были отполированы сотнями студентов до блеска, как будто их покрыли лаком. Старой в смысле древней. Стены помнили больше, чем она когда-либо узнает. Высокие потолки с лепниной, узкие стрельчатые окна с цветными витражами, от которых на полу лежали разноцветные пятна — красные, синие, золотые. Габриэла вошла через боковую дверь и остановилась у стены, не решаясь пройти вперёд.

Народу было немного. Человек двадцать — в основном студенты с тетрадями и ноутбуками, несколько пожилых людей с блокнотами, пара женщин в спортивных куртках, которые выглядели так, будто зашли случайно. Открытая лекция, как сказал Джон. Для всех желающих.

Она села на последний ряд, у окна. Положила сумку на колени, сложила руки. Сердце билось слишком быстро — она сама не понимала почему. Это же просто лекция. Просто искусство. Ничего опасного.

Ты можешь уйти в любой момент, — сказала она себе. — *Ты никому ничего не должна. Ты просто слушаешь.*

На кафедру вышел мужчина.

Высокий, темноволосый, в тёмно-сером свитере и очках в тонкой оправе. Он не улыбался. Не оглядывал аудиторию. Не поправлял бумаги — просто встал, положил руки на кафедру и сказал:

— Меня зовут Александр Ричардсон. Сегодня мы поговорим о Караваджо. Не о его биографии — её вы можете прочитать в любом учебнике. Мы поговорим о том, почему его картины до сих пор вызывают дискомфорт. И почему это хорошо.

Голос у него был низкий, ровный, без лишних эмоций. Он говорил так, будто читал лекцию сотни раз и знал её наизусть. Но когда он поднял глаза и обвёл аудиторию, Габриэла почувствовала, как что-то внутри неё сжалось. Не страх. Что-то другое. Будто её увидели. По-настоящему увидели — впервые за долгое время.

Она опустила глаза. *Не смотри на него. Слушай. Просто слушай.*

Александр говорил о свете и тени. О том, как Караваджо использовал тьму, чтобы сделать свет ещё более ослепительным. О том, как его современники считали его безумцем, а

он просто видел мир иначе.

— Караваджо не боялся показывать уродство, — сказал он, остановившись у края кафедры. — Он не приукрашивал. Его святые — с грязными ногтями и мозолями. Его мадонны — с усталыми глазами. Он говорил: «Я не знаю, что такое красота. Я знаю, что такое правда». И в этом была его сила. И его погибель.

Габриэла слушала, и постепенно стены аудитории начали растворяться. Она перестала думать о Хуане. Перестала думать о побеге. Перестала думать о том, что скажет Кармен на следующей сессии. Остались только слова — о свете, о тьме, о правде, которая не всегда красива.

Она не заметила, как достала блокнот. Не заметила, как начала записывать. Не заметила, как Александр посмотрел в её сторону и на секунду замолчал.

— —

Она записывала не конспект.

Конспекты она писала в университете в Барселоне — аккуратные, ровные, с подчёркнутыми датами и именами. Здесь было иначе. Здесь она записывала фразы, которые цеп-

ляли. «Тьма нужна не для того, чтобы спрятать — а для того, чтобы показать свет». «Он не приукрашивал». «Я знаю, что такое правда». «Не боялся показывать уродство».

Последняя фраза застряла в голове. Габриэла смотрела на неё, обведённую дважды, и думала о своём теле. О шраме на запястье. О том, как она не могла поднять руки вчера вечером. О том, что её собственная жизнь была уродливой — и она не хотела её показывать. Не хотела, чтобы кто-то видел.

А Караваджо показывал. И люди плакали.

Может быть, в этом и смысл, — подумала она. — *Может быть, правда не должна быть красивой.*

Она не заметила, как лекция закончилась.

— —

Студенты потянулись к выходу. Габриэла осталась сидеть — ей не хотелось уходить. Она смотрела на свои записи: несколько строк, кривых, торопливых, но живых. Она не писала ничего подобного уже несколько лет.

— Вы не конспектируете.

Голос раздался прямо над ней. Габриэла подняла глаза. Александр стоял рядом, с папкой под мышкой и выражением любопытства на лице — сдержанным, почти незаметным, но всё же.

— Что? — переспросила она.

— Я наблюдал за вами. — Он говорил без нажима, просто как факт. — Вы не записывали почти всю лекцию. А потом вдруг начали. Что изменилось?

Габриэла закрыла блокнот. Ей вдруг стало неловко — как будто её поймали на чём-то личном.

— Вы начали говорить о правде, — сказала она. — Это было интересно.

— Только это?

— Нет. — Она помолчала. — Вы сказали, что Караваджо не боялся показывать уродство. Что он не приукрашивал. Я подумала, что это смело.

— Это не смелость. Это необходимость. Он не умел иначе.

— Именно поэтому это смелость, — сказала Габриэла. —

Когда не умеешь иначе — это не выбор. А когда умеешь, но всё равно делаешь — это выбор.

Александр посмотрел на неё внимательнее. В его глазах что-то изменилось — будто он увидел перед собой не просто слушательницу, а человека.

— Вы всегда говорите то, что думаете? — спросил он.

— Я танцую фламенко, — ответила она. — Там нельзя врать.

— Фламенко? — он приподнял бровь. — Вы танцовщица?

— Была. — Она сказала это прежде, чем успела остановиться. — Теперь… не знаю.

Повисла пауза. Александр не торопился заполнять её словами. Он просто стоял и смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни жалости, ни любопытства праздного зеваки. Было что-то другое — будто он узнавал в ней что-то знакомое.

— Я Александр, — сказал он наконец. — Но вы, кажется, уже знаете.

— Габриэла.

— Габриэла, — повторил он, и её имя в его устах прозвучало иначе — не как слово, а как нота. — Вы придёте на следующую лекцию?

— Не знаю, — честно ответила она. — Может быть.

— Тогда я буду говорить о боли, — сказал он. — В искусстве. Думаю, вам это будет близко.

Он кивнул и ушёл, не оборачиваясь. Габриэла осталась сидеть, глядя на закрывшуюся дверь. Сердце билось ровно. Впервые за долгое время — ровно.

— —

Она вышла на улицу.

Дождь прекратился — или, может быть, просто сделал паузу, чтобы вернуться вечером. Небо было серым, но не тяжёлым. Габриэла шла по улице, не глядя по сторонам, и чувствовала что-то странное. Не радость. Не облегчение. Что-то среднее. Как будто внутри неё открылось маленькое окно — и через него подул сквозняк.

«Вы не конспектируете». Он заметил. Он смотрел. Не

на её тело, не на её платье, не на то, как она сидит. Он смотрел на то, что она делает. Или не делает.

Габриэла остановилась на углу улицы. Посмотрела на телефон. На экране — сообщение от Кармен: *«Как прошла лекция?»*

Она не стала отвечать сразу. Сунула телефон в карман и пошла дальше.

— —

В студию она вернулась к полудню. Сняла куртку, села на пол — не на кровать, на пол, как вчера, — и включила музыку.

Ту же самую. Фламенко. Гитара. Кастаньеты.

Она не стала танцевать сразу. Просто сидела и слушала. Позволяла музыке заполнить комнату — не через уши, а через кожу. Позволяла телу вспомнить, что оно умеет.

Потом встала.

Руки поднялись медленно — неуверенно, но поднялись. Она сделала первое движение — простое, почти детское. По-

том второе. Третье. Тело слушалось. Не идеально, не так, как раньше, но слушалось.

Она танцевала пять минут. Потом остановилась, тяжело дыша. Села на пол. И улыбнулась.

Это была не та улыбка, которую она показывала зрителям. Не та, которую она показывала Хуану. Просто улыбка. Маленькая. Настоящая.

— —

Телефон завибрировал. Кармен.

*«Ты сегодня была на лекции? Джон написал мне. Говорит, ты выходила из дома. Это прогресс». *

Габриэла посмотрела на сообщение и впервые за долгое время ответила:

*«Да. Была. И даже танцевала». *

«Хорошо. Очень хорошо. Что изменилось?»

Габриэла задумалась. Что изменилось? Она встретила мужчину, который говорил о свете и тьме. Который не при-

украшивал. Который сказал: «Я буду говорить о боли». Который заметил, что она не конспектирует.

*«Не знаю, — написала она. — Может быть, ничего. Может быть, всё». *

«Это честно. Ты поела?»

*«Джон дал суп». *

*«Джон — хороший человек. Скажи ему, что я так думаю». *

*«Скажу». *

«И ещё, Габриэла. Ты танцевала пять минут?»

*«Да». *

*«Это больше, чем вчера. Это прогресс. Не обесценивай его». *

Габриэла положила телефон. Посмотрела на сценическое платье — оно всё ещё висело на дверце шкафа.

Она не стала его надевать. Но и не убрала в чемодан.

— —

Утро началось с солнца.

Редкого, бледного, но всё же солнца — оно пробивалось сквозь серые облака и рисовало на полу студии косые прямоугольники. Габриэла проснулась от того, что свет падал ей на лицо. Полежала минуту, глядя в потолок. Потом встала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.